

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ*

Я. И. ГИЛИНСКИЙ

Становление социологии девиантного поведения и социального контроля осуществлялась в России двумя путями. Во-первых, в недрах традиционных наук с середины XIX в. вызревало социологическое осмысление социальных реалий: социологическая школа уголовного права, социологическая направленность в изучении алкоголизма и наркотизма, суицидального поведения и проституции. Интенсивно проводились эмпирические исследования с использованием разнообразных методов. Во-вторых, с конца 60-х - начала 70-х гг. XX в. появились первые отечественные труды, положившие начало формированию социологии девиантного поведения и социального контроля как специальной социологической теории. В 80-е гг. на территории бывшего СССР сложилось несколько центров социологических исследований девиантного поведения: в Санкт-Петербурге и Москве, в Эстонии и Грузии.

За четверть века становления и развития современной отечественной социологии девиантного поведения и социального контроля был освоен и переосмыслен зарубежный опыт; сформированы собственные представления о девиантном поведении, - как негативном, так и позитивном (творчество); в результате многочисленных эмпирических исследований накоплены сведения о состоянии, структуре, динамике социальных девиаций в России и различных ее регионах; выявлены некоторые закономерности взаимосвязей различных форм девиантного поведения и зависимостей от экономических, социальных, культурологических и иных факторов; установлены и расширяются научные связи с зарубежными исследователями.

Социология девиантного поведения и социального контроля занимает прочное место в структуре социологических знаний как специальная социологическая теория, представленная 29-м Исследовательским комитетом («Девиации и социальный контроль») в составе Международной социологической ассоциации.

История мировой социологии девиантного поведения излагается во множестве монографий, учебников, статей. Неизмеримо беднее отражена в литературе история отечественных социологических исследований девиантного поведения и его отдельных видов, а также формирования в России социологии девиантного поведения как специальной социологической теории (см., например: (66, с. 11-15, 118-124) и др.). Отстав от мировой социологии лет на сорок, формирование российской социоло-

* Статья рекомендуется в качестве учебного материала по курсам: социология права, история социологии в СССР и России.

логии девиантного поведения и социального контроля не отрефлектировано еще в истории науки.

Предлагаемый ниже обзор преследует цель лишь начать разговор об истории этого предмета. При этом приходится преодолевать значительные трудности. Дело в том, что изучение отдельных форм социальных девиаций (пьянства, преступности, самоубийств, проституции, наркотизма, не говоря уже об аморальном поведении или гражданских или административных деликтах) имеет в России давнюю и богатую традицию, хотя не всегда носило социологический характер. Нередко один и тот же автор основательно анализировал различные девиантные проявления (В. М. Бехтерев, Н. П. Бруханский, М. Н. Гернет, А. Ф. Кони и др.). В современной литературе работы предшественников обобщены с различной степенью полноты. Непросто решается и вопрос о периодизации социологии девиантного поведения и социального контроля в России. Конечно, октябрь 1917 г. явился ощутимым «перерывом постепенности» в исследовательской деятельности, однако многие исследования продолжались с большим или меньшим успехом до конца 20-х — начала 30-х гг. (а в эмбриональном виде и в последующий период). Таким образом, предложенная ниже периодизация в значительной мере условна. Мы ставили задачу лишь наметить исторические вехи до конца 20-х — начала 30-х гг. уходящего столетия, сосредоточившись на периоде «после 60-х гг.».

Социологические исследования отдельных проявлений девиантного поведения

Период до октября 1917 года

Самоубийства. Может быть, одним из самых ранних свидетельств социологического осмысления девиантных проявлений в России явился доклад, прочитанный академиком К. Германом на заседаниях Российской Академии наук 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г., на тему «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы». Автор доклада, сделанного за 70 лет до классического труда Э. Дюркгейма «Самоубийство: Социологический этюд» (1897), сравнивая число самоубийств и убийств по отдельным губерниям и регионам России, сопоставляет их с пьянством, экономическим положением, социально-политическими условиями (например, последствия войны 1812 г. в Смоленской губернии, где отмечался повышенный уровень самоубийств). В результате Герман делает удивительно глубокий для своего времени вывод, усматривая главные причины исследуемых явлений *в крайностях*: в диких нравах или утонченной цивилизации, в анархии или политическом гнете, в нищете или чрезмерном богатстве. И еще один вывод, значимый и сегодня: динамика числа убийств и самоубийств за ряд лет «позволяет по крайней мере частью узнать нравственное и политическое состояние народа». Доклад Германа не был опубликован на русском языке, ибо, по мнению министра народного просвещения А. С. Шишкова, «подобные статьи, неприличные к обнародованию оных, надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, чтобы и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение» (цит. по: (16, с. 370–371)). Так что борьба с «очернительством» имеет в России давнюю историю... Лишь в 1832 г. работа Германа была опубликована на французском языке (82, с.3–20). Исследования самоубийств активно продолжались в конце прошлого и начале

нынешнего столетия (подробнее история отечественной суицидологии излагается в работах В. Е. Кузнецова (46), (47).

Именно в России складывается междисциплинарный подход в изучении этого феномена, и впервые термин «суицидология» — предшественник современной «суицидологии» — науки о самоубийствах — появился в работах российских врачей П. Г. Розанова (1891), Ф. К. Тереховко (1903), И. О. Зубова (1903). Хотя среди медиков вообще, психиатров в частности, преобладало представление о покушении на свою жизнь как симптоме психического заболевания (Г. И. Гордон, И. О. Зубов, И. П. Лебедев, П. Г. Розанов и др.), однако такие крупнейшие психиатры, как В. М. Бехтерев и И. А. Сикорский, неоднократно подчеркивали значение социальных факторов, включая условия семейного и школьного воспитания, в генезисе самоубийств. Они же обращали внимание на необходимость общественных усилий для *предупреждения* суицидального поведения. В обосновании и утверждении социологического направления в суицидологии сыграли значительную роль труды педагога А. Н. Острогорского, юристов М. Н. Гернета, А. Ф. Кони, социолога Н. М. Михайловского, а также психологов и психиатров Н. П. Бруханского, Я. Г. Лейбовича, М. Я. Феноменова. Российские исследователи обращали большое внимание на дефекты нравственного развития личности в генезисе суицидального поведения («нравственной инфекции», по словам Сикорского), связывали неблагоприятные тенденции и эпидемии самоубийств с кризисом нравственности и утратой смысла жизни. Быть может, нелишне напомнить, что Ф. М. Достоевский также полагал: «Потеря высшего смысла жизни... несомненно, ведет за собой самоубийство» (30, т. 24, с. 49).

Значительная доля суицидологических работ была посвящена самоубийствам детей, подростков и молодежи. Так, еще К. Герман обратил внимание на рост показателей самоубийств в детском и подростковом возрасте. Связь самоубийств среди рабочей и учащейся молодежи с социально-экономическими факторами — голодом, безработицей, пьянством — отмечали Г. И. Гордон (1912), Л. А. Прозоров (1913) и др. И. П. Лебедев в 80-е гг. XIX в. впервые в отечественной науке провел клиническое обследование суицидентов в возрасте до 20 лет. При этом он обращал внимание на условия воспитания, семейные отношения в семьях молодых людей, покушавшихся на свою жизнь, их ближайшее окружение. Острогорский в 1882 г. отмечал отсутствие взаимопонимания между детьми и родителями как суицидогенный фактор. «Дети растут, вызывая недоумение в родителях только при каких-либо катастрофах: исключении из заведения, проявлении своеволия, побега, самоубийства», — с горечью замечал он (59, с. 344).

Пьянство и алкоголизм. Имеется обширная литература по истории «русского пьянства». Менее известна история социологического исследования процессов алкоголизации населения в стране — см. (29), (76).

Между тем из всех форм девиантного поведения пьянство более всего привлекало внимание российских ученых, литераторов, общественных деятелей. По мнению И. А. Голосенко, отечественная наука довольно быстро перешла от изучения медицинских проблем алкоголизма к более широкому, социологическому анализу этого явления (29, с. 203).

С историей изучения алкоголизма связано одно из первых упоминаний о значении социальных факторов в генезисе девиантного поведения. Московский врач К. М. Бриль-Краммер в работе «О запое и лечении оного» (1819) отметил, что большинство известных ему больных алкоголизмом заболели со времени Отечественной войны 1812 г., когда многие лишились своего покоя, имущества, родственников; а более высокая частота алкоголизма наблюдается у низших сословий, испытывающих постоянные лишения.

В числе исследователей алкогольных проблем следует назвать В. М. Бехтерева, Д. К. Бородина, Д. Н. Воронова, В. К. Дмитриева, С. А. Первушина, И. Янжула. Ими подвергалась сомнению легенда об особой «предрасположенности» русского человека к «питию». Лишь создание системы государственных кабаков (с XVI в.) резко изменило ситуацию достаточно жесткого социального контроля над потреблением алкоголя к худшему. Так что алчность правительства «подтолкнула» население к массовому — и на долгие годы! — пьянству (в 1819 г. питейный доход составил 11% доходной части бюджета, в 1859 г. — уже 38%, а за период 1865–85 гг. «пьяные» доходы почти удвоились (55).

Широко использовались статистические данные для оценки алкогольной ситуации. При этом были выявлены некоторые, казалось бы, нетривиальные факты. Так, наблюдалось массовое тяготение к алкоголю людей с наименьшими доходами, но и увеличение материального достатка сопровождалось ростом расходов на алкоголь. Низкая культура «подпитывала» тягу к алкоголю, но в крупных городах — центрах культуры и образования — пили больше, чем в слабоурбанизированных регионах. Выявленные временные колебания (по годам и сезонам) пытались сопоставить с экономическими факторами: цены на хлеб, урожайность-неурожайность, цены на алкоголь и т. п. Активно исследовалась степень алкоголизации различных групп населения в связи с социально-демографическими характеристиками. В частности, отмечалось, что в деревнях больше пили бедняки и зажиточные крестьяне-«кулаки» (опять «крайности!»), тогда как середняки оказались трезвенниками. Среди городских рабочих наблюдалось сокращение потребления алкоголя по мере роста квалификации и заработка. Связи алкоголизма и преступности была посвящена работа П. И. Григорьева (1900).

Происходила концептуализация и классификация потребления алкоголя. Так, по мнению В. К. Дмитриева, решающее значение в динамике алкоголизации принадлежит экономическим факторам, процессу индустриализации, тяжелому положению городского пролетариата. Принципиальное значение имеет различие (сохранившееся до сегодняшнего дня) понятий «потребление алкоголя», «пьянство» и «алкоголизм», впервые проведенное С. А. Первушиным. Им же была предложена классификация алкопотребления: «столовое» потребление («для здоровья», «для аппетита»), присущее преимущественно высшим слоям общества; «обрядовое» — ритуальное, в соответствии с обычаем, наиболее распространенное среди крестьян; «наркотическое» — с целью забыться, отвлечься от тягот и забот, преобладающее в рабочей среде. В зависимости от типа потребления алкоголя должна различаться и тактика его профилактики.

Новая волна исследований была осуществлена в связи с «сухим законом» 18 июля 1914 г. Хотя первое время фиксируется некоторый положительный результат (снижение производственного травматизма, пожаров, начавшийся интерес к совершенствованию производственного процесса), однако уже к концу 1915 г., по данным социологических исследований, ситуация возвращается на круги своя: появляется массовое потребление суррогатов (политуры, денатурата), а в деревне наблюдается огромный рост самогонварения, расширяется контрабанда спиртного. Остается добавить, что спустя 71 год история «борьбы» с алкоголизмом в России повторилась с теми же результатами.

Проституция. Возможно, что «нездоровый интерес» (по терминологии советского официоза) обывателя к проблемам пола и секса проявился и в пристальном внимании обществоведов к проституции. Во всяком случае, нет недостатка в отечественной (до конца 20-х гг.) литературе по этой теме. С классическими трудами И. Блоха (1913), Е. Дюпуи (1907) по истории проституции современный российский читатель получил возможность познакомиться лишь в последнее

время. Однако отечественная социология знает немало оригинальных исследований конца XIX — начала XX вв. — обзор см. (63, с. 36–54). Наиболее известны работы Н. Дубошинского, В. Тарновского, Ф. Мюллера, П. Обозненко, а также Н. Бабилова, В. Зарубина, И. Клевцова, М. Кузнецова, А. Сабина, А. Суздальского.

Одним из внешних импульсов исследовательской деятельности послужила волна венерических заболеваний, особенно сифилиса, в 80-е гг. прошлого столетия. Были изучены количественный и социально-демографический состав зарегистрированных проституток, обитательниц публичных домов. В 1896 г. П. Е. Обозненко опросил свыше четырех тысяч проституток, в результате были получены сведения о мотивах занятия проституцией, возрасте первых половых контактов проституток, их национальном составе, заболеваемости среди них, а также... о коррумпированности полицейских чинов, закрывающих глаза на всевозможные нарушения нормативной регламентации занятия проституцией и содержания публичных домов за «подношения» (57).

Гомосексуализм. Хотя природа гомосексуальной ориентации до сих пор остается предметом дискуссий, гомосексуализм традиционно рассматривается и как вид девиантного поведения. Очевидно, что по крайней мере ситуационный гомосексуализм (в местах лишения свободы, в закрытых учебных заведениях, в армии и на флоте) не безразличен к социальным факторам.

В описываемый период изучение гомосексуальных проявлений носит преимущественно медицинский характер. Российский дерматовенеролог В. М. Тарновский (1885) предложил различать врожденный гомосексуализм и приобретенный, как результат внешних влияний. Появляются работы Б. И. Пятницкого (1910) и И. Б. Фукса (1914), в которых рассматриваются психологические и юридические аспекты гомосексуализма. Однако нам не известны собственно социологические исследования этой проблемы в дооктябрьский период времени.

Преступность. Преступность всегда считалась самым опасным видом «социальной патологии». Неудивительно, что из всего репертуара девиантного поведения преступность была наиболее изучаемым объектом юристов, социологов, психологов, представителей естественных наук (биологическое, клиническое направления в криминологии). Российская криминологическая мысль XIX — начала XX вв. была представлена блестящей плеядой ученых — по преимуществу, специалистов в области уголовного права, в недрах которого вызревала криминология как наука о преступности, или же «социология преступности»: М. Н. Гернет, С. К. Гогель, М. В. Духовской, А. А. Жижиленко, М. М. Исаев, П. И. Люблинский, А. Ф. Кистяковский, А. А. Пионтковский, Н. Н. Полянский, С. В. Познышев, Н. Д. Сергиевский, В. Д. Спасович, И. Я. Фойницкий, Х. М. Чарыхов, М. П. Чубинский и др. К сожалению, истории российской дореволюционной криминологии не повезло, быть может, больше, чем другим областям «девиантологии». Из обзоров можно назвать лишь работы Л. О. Иванова и Л. В. Ильиной (37), и некоторые лаконичные реминисценции. Как отмечалось, во многих странах, включая Россию, учение о преступности как сложном социальном феномене (криминология, или социология преступности) вызревало в недрах науки уголовного права. Идея о «криминологическом» расширении рамок уголовного права впервые в России была высказана в статьях М. В. Духовского (1872) и И. Я. Фойницкого (1898). Оба автора исходили из того, что, согласно данным уголовной статистики, источник преступлений коренится не только в личности преступника, но и в обществе, поэтому нельзя исходить из «свободной воли» преступника (постулат классической школы уголовного права), рассчитывать на наказание как единственное (главное) средство контроля над преступностью; и

вообще, необходимо изучать социальные причины преступлений, расширив тем самым рамки традиционного (догматического) уголовного права. И хотя далеко не все российские криминалисты («классики») были согласны с этими положениями «социологов», в последующем уже стало невозможным (просто неприличным) не включать в курсы уголовного права разделы, посвященные индивидуальным, экономическим, социальным и даже космическим факторам преступности (М. Н. Гернет, 1913; А. А. Пионтковский, 1914; С. В. Познышев, 1912; М. П. Чубинский, 1909 и др.).

О дополнении юридического метода социологическим в науке уголовного права писал Н. Н. Полянский (1912). Социологический подход в изучении и объяснении преступности был последовательно проведен в мало известной работе Х. М. Чарыхова (74). И все же наибольшее значение для «социологизации» проблемы, широкого применения статистических и всего спектра социологических методов (наблюдение, опрос, анализ документов, включая материалы уголовных дел) в криминологии, для формирования собственно социологии девиантного поведения (с исследованием всех его основных негативных форм — преступности, алкоголизма, наркотизма, самоубийств, проституции, поиском общих причин и выявлением внутренних взаимосвязей от экономики, политики до социальных отношений, культурологических факторов) имели, как нам представляется, труды М. Н. Гернета (частично собранные под одной обложкой (17)). Достаточно перечислить только названия некоторых его работ (забегая, последовательности ради, в следующий временной период — «после октября 1917 г.»): «Преступность и жилища бедняков» (1903), «Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уголовного права» (1906), «Детоубийство: Социологическое сравнительно-юридическое исследование» (1911), «Дети — преступники» (ред. и предислов., 1912), «Смертная казнь» (1913), «Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения» (1914), «Преступный мир Москвы» (ред. и предислов., 1924), «Наркотизм, преступность и уголовный закон» (1924), «В тюрьме: Очерки тюремной психологии» (1925, 1930), «Женщины-убийцы» (1926), «Сто детей-наркоманов» (1926), «Преступность и самоубийства во время войны и после нее» (1927), «К статистике аборт» (1927), «К статистике проституции» (1926), «Статистика самоубийств в СССР» (1927) и множество других.

Социологическая школа уголовного права своей важнейшей задачей считала исследование взаимосвязей между социальными, экономическими процессами, социально-демографическими и психологическими характеристиками преступников, пространственно-временным распределением преступлений и — преступностью как общественным феноменом. Труды прогрессивных российских юристов конца XIX — начала XX вв. в значительной мере заложили основы формирования в стране социологии девиантного поведения.

Социальный контроль. Тема социального контроля неразрывно связана с девиантным поведением, хотя имеет гораздо более широкое, общесоциологическое значение. В отечественной социологической теории эта тема наиболее продуктивно представлена в трудах П. Сорокина: и в «Системе социологии» (1920), и в «Социальной и культурной динамике» (1941), но раньше всего — в его первом значительном труде петербургского периода — «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914). Для нас интересно, что Сорокин наметил определенную динамику применения кар и наград: от интенсивного в более примитивных и антагонистических социальных структурах до полного исчезновения в желаемом будущем. И если по-

следний прогноз вызывает сегодня понятные сомнения, то акцент тоталитарных, недемократических, авторитарных режимов на умножение кары и наград подтвержден трагическим опытом XX столетия (и не только в части репрессий — вспомним «звездную болезнь» Л. Брежнева и его окружения). П. Сорокин, наряду с другими прогрессивными учеными, писателями, общественными деятелями России (Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гернет, А. Герцен, С. Десницкий, А. Жижиленко, А. Кистяковский, А. Кони, В. Короленко, В. Набоков, П. Пестель, А. Радищев, В. Розанов, Вл. Соловьев, В. Спасович, Н. Таганцев, И. Тургенев, Н. Чернышевский и многие другие) был последовательным и настойчивым противником смертной казни.

Исследованию наиболее острых форм уголовного наказания — тюремному заключению и смертной казни были посвящены многочисленные труды российских ученых (С. К. Викторский, 1912; М. Н. Гернет, 1913; И. П. Загоскин, 1892; А. Ф. Кистяковский, 1867; Н. С. Таганцев, 1913; И. Я. Фойницкий, 1889 и др.). В большинстве из них содержатся критика жесткой карательной политики и доводы за отмену смертной казни и либерализацию тюремного режима.

Период после октября 1917 года

Этот период состоит из двух относительно самостоятельных этапов. Первый — с октября 1917 г. до начала 30-х гг., — когда, с одной стороны, продолжалось изучение отдельных видов девиантного поведения в русле дооктябрьских исследований, а с другой — масштабы и возможности такой работы все сокращались, пока она не была запрещена — *de jure* или *de facto*.

Второй этап — с начала 60-х гг., когда во времена хрущевской «оттепели» началось возрождение отечественной социологии. Оба этапа обладают существенными особенностями и могли бы рассматриваться отдельно. Однако ради экономичности изложения мы несколько условно объединим их.

Самоубийства. После октября 1917 г. продолжалось изучение медико-биологических, психиатрических проблем суицидального поведения. Важнейшим шагом в социологическом их исследовании явилось создание в 1918 г. в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) Отдела моральной статистики во главе с М. Н. Гернетом. В 1922 г. вышел первый выпуск «Моральной статистики», включивший сведения о самоубийствах и социально-демографическом составе суицидентов. В 1927 г. издана работа «Самоубийства в СССР в 1922–1925 гг.» со вступительной статьей Д. П. Родина и предисловием М. Н. Гернета. В книге сравнивались показатели по СССР с данными ряда европейских государств, давался сравнительный анализ сведений по различным городам СССР, анализ самоубийств по социально-демографическому составу суицидентов, мотивам и способам самоубийств, а также — впервые, — о предшествующих самоубийству покушениях (суицидальных попытках), днях, часах и месте совершения самоубийства. Столь подробные сведения с тех пор не публикуются в России и поныне. В этом же 1927 г. вышли работы Н. П. Бруханского и М. Н. Гернета, посвященные социально-психологическому и социологическому исследованию проблем самоубийства (17, с. 438–468). Было зарегистрировано снижение количества и уровня самоубийств в годы Первой мировой войны в воюющих странах и, с некоторым временным запозданием, — в нейтральных государствах. Аналогичная тенденция в годы Второй мировой войны отмечена, в частности, в работе А. Подгурецкого. По окончании войны кривая самоубийств поползла вверх. Война внесла изменения и в состав суицидентов: снижение уровня самоубийств среди мужчин проходило ин-

тенсивнее, чем среди женщин, относительно увеличилась доля самоубийц старших возрастных групп (от 60 лет и старше). Среди суицидентов послевоенного времени возросла доля душевнобольных. Гернет последовательно объясняет основные отличия в уровне, динамике и структуре самоубийств в СССР по сравнению с другими странами. При этом неизменным, со времен Э. Дюркгейма, остается сезонное распределение самоубийств: весенне-летний максимум при осенне-зимнем минимуме. Остается заметить, что эта тенденция, по нашим данным, сохранялась и в 70–80-е гг.

Описывая способы добровольного ухода из жизни, Гернет обратил внимание на самосожжение женщин в Азербайджане. В наши дни об этом подробно говорится в книге И. А. Алиева (4). Наконец, в 1929 г. вышел сборник «Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг.». На этом и закончилась публикация каких бы то ни было работ в стране по самоубийствам. Статья М. Н. Гернета 1933 г. — «Рост самоубийств в капиталистических странах» — говорит сама за себя: отныне на несколько десятилетий тематика девиантного поведения могла освещаться лишь под рубрикой «их нравы»... И не следует бросать упрек в этом российским исследователям.

Прошло более 40 лет. В 1971 г. автору этих строк, заручившись разрешением заместителя прокурора Ленинграда С. Г. Аверьянова, удалось изучить все материалы милицейского и прокурорского расследования по фактам самоубийств в четырех районах Ленинграда (двух центральных и двух «спальных»). В 1971–72 гг. аналогичное исследование было проведено в Орле. Результаты удалось опубликовать лишь в 1979 г. в Таллине, под грифом «Для служебного пользования», тиражом 150 экз. (60). В процессе исследования были изучены социально-демографические характеристики суицидентов, мотивы и способы самоубийств, пространственно-временное их распределение. Было обращено внимание на относительно высокий уровень суицидального поведения среди лиц с низким или маргинальным статусом: рабочих, служащих без специального образования, лиц без определенных занятий. Удивительно точным отражением этой закономерности явилась предсмертная записка рабочего Р. своему сыну: «Сашенька!.. Шагни дальше отца насколько можешь выше отца по социальной лестнице» (сохранена орфография подлинника).

Большая заслуга в возрождении отечественной суицидологии принадлежит А. Г. Амбрумовой, организовавшей первую за несколько десятилетий встречу специалистов — семинар по суицидологии (1975), создавшей и возглавившей Всесоюзный суицидологический центр и суицидологическую службу Москвы, организовавшей выпуск сборников трудов по проблемам суицидологии (первый из них вышел в 1978 г.). Придерживаясь в объяснении суицидального поведения концепции социально-психологической дезадаптации личности, Амбрумова отстаивала мультидисциплинарный характер суицидологии, выступала против узкомедицинского (психиатрического) понимания самоубийств, сумела привлечь к исследовательской деятельности, помимо психиатров и психологов, также юристов и социологов (С. В. Бородин, М. З. Дукаревич, А. С. Михлин, Л. И. Постовалова, А. Р. Ратинов и др.). В 1984 г. Л. И. Постовалова защитила кандидатскую диссертацию «Социологические аспекты суицидального поведения», явившуюся определенным итогом работы социолога в суицидологическом центре.

Несомненный интерес представляет сравнительное социально-психологическое исследование суицидентов и лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, проведенное под руководством А. Г. Амбрумовой и А. Р. Ратинова. Результаты подтвердили гипотезу о взаимосвязи агрессии и аутоагрессии и «разведении» этих поведенческих форм психологическими особенностями индивидов, ибо суициденты и насильственные преступники представляли полярные психологические

типы по множеству характеристик (5). Междисциплинарный подход в суицидологии внес вклад в становление отечественной девиантологии. О социологических исследованиях суицидального поведения в ее рамках см.: (30), (62, с. 44–68).

Пьянство и алкоголизм. Первое время после октябрьского переворота продолжала действовать прогибиционистская антиалкогольная политика 1914 г., отчасти подтвержденная постановлением СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Однако в 1921, 1922, 1923 гг. последовательно расширялся перечень разрешаемых к производству и продаже алкогольных напитков и, наконец, с 1 октября 1925 г. вводилось производство «сорокаградусной».

В. М. Бехтерев в 1927 г. правильно заметил, что запрет на продажу алкогольных напитков был парализован самогоном. Действительно, по данным ЦСУ РСФСР, в 1928 г. было изготовлено 50695,8 тыс. ведер самогона (или по 7,5 литра) на душу населения. К числу известных работ, посвященных алкоголизации населения России, относятся книги Р. Влассака (1928), Э. Дейчмана (1929), «Алкоголизм в современной деревне» (1929), а также публикации в «Административном вестнике» за 20-е гг.

В них отражалась статистика производства и потребления алкоголя, приводились сравнительные данные по городу и деревне, а также о последствиях пьянства (смертность, заболеваемость, «пьяные преступления» и т. п.).

В трудах М. Н. Гернета анализировались статистические данные о потреблении алкоголя, преступлениях, связанных с ним, о «тайном винокурении» и борьбе с ним, а также подчеркивалась неэффективность запретительных мер: «зеленый змий»... согнанный с зеркальных витрин богатейших магазинов, с полок и прилавков кабаков и ресторанов, он уполз в подполье и нашел себе там достаточно простора и немало пищи» (17, с. 441). Российская ситуация сравнивалась с американской, где развилась контрабанда спирта после введения «сухого закона».

С начала 30-х гг. тематика пьянства и алкоголизма не сходит полностью с советской сцены, но перерождается в «антиалкогольную пропаганду», «борьбу» под лозунгами типа «Пьянство — путь к преступлению» и «Пьянству — бой!», а в служебных характеристиках появляется непереносимое «морально устойчив», что означало для посвященных — «не алкоголик».

Исследовательская работа возобновилась лишь в 60-е гг., несколько позднее появились фундаментальные труды Г. Г. Заиграева (34), Н. Я. Копыта, Б. М. Левина (50), Ю. П. Лисицына, П. И. Сидорова и др. Социальным, медицинским и психологическим проблемам пьянства и алкоголизма посвящены также исследования Б. С. Братуся, Б. М. Гузикова, В. М. Зобнева, А. А. Мейрояна.

Для социологии девиантного поведения несомненны заслуги Г. Г. Заиграева, который, во-первых, всегда отстаивал *социологический* подход в изучении пьянства и алкоголизма; во-вторых, организовал ряд эмпирических социологических исследований, результаты которых отражены в серии его трудов; в-третьих, рискуя служебным благополучием, в годы «преодоления пьянства и алкоголизма» (с мая 1985 г.) последовательно сопротивлялся прогибиционистским требованиям, отстаивая разумную социальную антиалкогольную программу, разработанную под его руководством.

Как будет показано ниже, большую роль в становлении отечественной социологии девиантного поведения сыграли работы А. А. Габиани. Им были организованы эмпирические социологические исследования многих проявлений социальных девиаций как на территории Грузии, так и в других регионах бывшего СССР, включая Россию. Не явились исключением пьянство и алкоголизм. Опу-

бликованные результаты исследования (разумеется, с грифом «Для служебного пользования» (56)) позволяют судить о структуре, динамике и географии алкоголизма в Грузии, о социально-демографическом составе лиц, имеющих проблемы в связи с алкоголем, о производстве и реализации алкогольных напитков в республике, о размерах дохода от продажи алкоголя и размерах ущерба от его потребления (сальдо в «пользу» ущерба) и даже — о наполненности тбилисских ресторанов в зависимости от сезона, дней недели и времени суток.

Наркотизм. Первые отечественные исследования наркотизма относятся к концу XIX (С. Моравицкий) и началу XX в. (И. Левитов, Л. Сикорский). Еще в 1885 г. по заказу губернатора Туркестанского края было проведено исследование С. Моравицкого «О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской области». В этой работе описаны виды наркотиков, способы их употребления, количество посадок и даже цены на наркотики. Их потребителей С. Моравицкий делит на привычных и случайных.

Более активное изучение этой проблемы происходит в 20-е гг. Так, А. Рапопорт обобщил материалы обследования 400 кокаинистов (1926), М. Н. Гернет проанализировал результаты обследования наркомании среди беспризорных Москвы (1926). При этом из 102 человек только двое ответили отрицательно на вопрос об употреблении табака, алкоголя или кокаина (подробнее см.: (17, с. 444–445)). Тесную связь наркотизации населения с социально-бытовыми условиями подчеркивает А. С. Шоломович (1926). Н. К. Топорков (1925) различает «наркотистов» — лиц, пристрастившихся к потреблению наркотических средств в силу социальных условий, и «наркоманов» — лиц с патологической конституцией. Связь наркотизма и преступности отмечают М. Т. Белоусова (1926) и П. И. Люблинский (1925). При этом ряд исследователей фиксирует относительно меньшую частоту и тяжесть преступлений, совершаемых наркоманами (И. Н. Введенский, А. М. Рапопорт). Потребление наркотика (кокаина) чаще следовало за преступлением, а не предшествовало ему.

Затем наступила эпоха «ликвидации» в стране наркотизма как социального явления, а следовательно, и ненужности каких-либо исследований...

В конце 50-х — 60-е гг. стали появляться исследования либо медицинского характера (В. В. Бориневич, 1963; Я. Г. Голанд, 1968; И. В. Стрельчук, 1956), либо юридического — рассматривающие различного рода уголовно наказуемые действия с наркотиками (Л. П. Николаева, 1966; М. Ф. Орлов, 1969 и др.). И лишь позднее тема наркотизма занимает прочное место в исследовательской деятельности медиков, психологов, юристов, социологов (Э. А. Бабаян, Т. А. Боголюбова, А. А. Габани, М. Х. Гонопольский, Р. М. Готлиб, И. Н. Пятницкая, Л. И. Романова и др.).

Первое крупное эмпирическое социологическое исследование наркотизма на территории бывшего СССР было проведено в Грузии в 1967–72 гг. под руководством А. А. Габани. Результаты опубликованы в 1977 г. в книге Габани «Наркотизм», изданной опять-таки с грифом «Для служебного пользования» (14). Несмотря на некоторое методическое несовершенство исследования и понятные для того времени «технические» трудности, «Наркотизм» явился первым значительным монографическим исследованием темы — он включал историко-теоретический раздел, методологическую часть, изложение результатов эмпирического исследования (данные о социально-демографическом составе и условиях жизни потребителей наркотиков, структуре потребляемых средств, возрасте приобщения к наркотикам и его мотивах), схему деятельности преступных групп по распространению наркотиков (возможно, это было первым эмпирическим исследованием пре-

ступных организаций в стране (14, с. 39–47)), а также программу медицинских, правовых и организационных мер борьбы с наркотизмом.

В середине 80-х гг. под руководством Габиани было проведено панельное исследование наркотизма в Грузии с изложением сравнительных результатов обоих исследований в книге «Наркотизм: вчера и сегодня» (15).

В 1988–89 гг. А. Габиани проводит широкое социологическое исследование наркотизма на территории Латвии, Приморского и Ставропольского краев, Горьковской, Новосибирской и Львовской (Украина) областей, в Москве и Ташкенте (Узбекистан). В ходе исследования было опрошено около 3.000 наркоманов и потребителей наркотиков (11). Особое внимание было обращено на обстоятельства приобщения к наркотикам: условия жизни, учебы и труда, повод «попробовать» наркотик, среда распространения наркотизма, с каких наркотических средств начинает новичок, где, с кем, когда происходит их прием, где добываются наркотики и средства на их приобретение. Исследователя интересуют и условия добровольного отказа от наркотиков, обращения за медицинской помощью и ее эффективность. Выводы в этой части достаточно пессимистические: «Чаще всего лечение наркомании не имело должного эффекта, а полного излечения не наступило ни в одном рассматриваемом нами случае»... Поэтому «самое надежное средство борьбы с наркоманией — недопущение первичного обращения молодых людей к наркотикам» (11, с. 83).

Работы А. А. Габиани по социологическому исследованию как наркотизма, так и иных форм социальных девиаций (о чем речь впереди), внесли заметный вклад в становление социологии девиантного поведения в бывшем СССР.

В 80-е — 90-е гг. основным центром социологических исследований пьянства, алкоголизма и наркотизма становится сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологии АН СССР—РАН (Б. М. Левин — руководитель, Ю. Н. Иконникова, С. Г. Климова, Л. Н. Рыбакова, М. Позднякова и др.). Активизировалась исследовательская деятельность в организациях и учреждениях МВД России (А. Я. Гришко, В. М. Егоршин, В. И. Омигов и др.).

Проституция. В 20-е гг. продолжалось активное исследование проституции. Возможно, что это отчасти стимулировалось идеологическими соображениями: на примере проституции легко было показать «пороки капитализма» (В. М. Броннер, А. И. Елистратов, 1927; Л. М. Василевский, 1924; С. Е. Гальперин, 1928; А. Я. Гуткин, 1924; А. Н. Каров, 1927; Г. И. Лившиц, Я. И. Лившиц, 1920 и др.).

Летом 1924 г. в Москве была создана «Научно-исследовательская комиссия по изучению факторов и быта проституции». Комиссия организовала основательное исследование с использованием дореволюционного опыта и публикацией в 1925 г. основных результатов в № 308 журнала «Рабочий суд». Исследователи старались обеспечить добровольность и анонимность опросов (была опрошена 671 женщина, занимавшаяся проституцией в Москве), а также установление психологического контакта между интервьюером и респондентом (подробнее см.: (58, с. 71–74)).

В 1926–27 гг. в Харькове было проведено обследование 177 проституток. Опубликованные результаты (71) позволяют сравнивать близкие по методике и инструментарию московское и харьковское исследования. Помимо социально-демографического состава опрошенных выяснились материальные и жилищные условия, возраст начала сексуальных контактов, их частота на момент опроса, места поиска клиентов, потребление алкоголя, наркотиков, заболеваемость венерическими болезнями. Статистические данные о проституции были представлены в статье М. Н. Гернета «К статистике проституции» (18).

После длительного перерыва к теме проституции начали обращаться лишь в 70-е гг. Но, поскольку проституция как социальное явление в стране победившего социализма была «ликвидирована», исследовалось — разумеется, для «служебного пользования» — некое «поведение женщин, ведущих аморальный образ жизни», либо же чисто юридические проблемы сохранившихся в уголовном кодексе республики составов преступлений: «содержание притонов разврата», «сводничество», «вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией» (Ю. В. Александров, А. Н. Игнатов и др.). Еще раз подчеркнем — это не вина, а беда отечественной науки и ее представителей. Социологические исследования проституции (под ее различными псевдонимами) в 70-е гг. проводились под руководством М. И. Арсеньевой, а также группой сотрудников ВНИИ МВД СССР — К. К. Горяиновым, А. А. Коровиным, Э. Ф. Побегайло.

В 80-е гг. под руководством А. А. Габиани проводится социологическое исследование проституции в Грузии, результаты которого были опубликованы первоначально под грифом «Для служебного пользования», а затем и «для всех» (13).

Сравнительный анализ эмпирических исследований проституции в 1924 г. в Москве, в 1926–27 гг. в Харькове, московского в 70-е гг. и грузинского в 80-е гг. предпринят в работе Я. И. Гилинского (63, с. 99–122).

Социально-правовым проблемам проституции и иных «отклонений» в сфере сексуальных отношений посвящены работы А. П. Дьяченко, А. Н. Игнатова, П. П. Осипова, Я. М. Яковлева и др. Наконец, в 80-е же гг. появляются публикации Я. И. Гилинского, С. И. Голода, И. С. Кона, посвященные социологическому осмыслению и вторичному анализу эмпирических исследований проституции (определенным итогом явился сборник статей [63]).

Гомосексуализм. Из всего репертуара девиантных проявлений гомосексуализм оказался, пожалуй, наименее исследованным в советское время. Конечно, это можно было бы объяснить тем, что гомосексуальная направленность в принципе не девиантна, а лишь вариант сексуального поведения. Однако уголовный запрет даже добровольного мужеложства (ст. 121 УК РСФСР, отмененная лишь в 1993 г.) опровергает оптимистический вариант объяснения. Более вероятно, что долгие годы сказывалось отношение к гомосексуализму, запечатленное во втором издании Большой Советской Энциклопедии: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным...» (8).

Теоретико-исторический и социологический подход к гомосексуализму представлен в работах И. С. Кона (40, с. 257–295) и др., отчасти — Я. И. Гилинского (27, с. 131–138), (32 с. 146–157). Ситуационный гомосексуализм в условиях пенитенциарных учреждений отражен в трудах М. Н. Гернета (16), А. В. Абрамкина и Ю. В. Чинова (1), Г. Ф. Хохрякова (72), (73) и др. В работах сексопатологов акцентируются медицинские и психологические аспекты проблемы (Г. С. Васильченко, Д. Д. Исаев, С. С. Либих, А. М. Свядош и др.). Бедственное положение гомосексуалистов в России заставило их объединяться. В Москве стала выходить газета «Тема» гомосексуальной ориентации. В 1991 г. в Санкт-Петербурге были зарегистрированы их организации: Фонд им. П. И. Чайковского и Общество «Невские берега» (позднее «Крылья»). В июле того же года в Санкт-Петербурге состоялась первая в стране международная конференция гомосексуалистов с участием ученых и политиков города. В последующем, ежегодно в городе стали проходить фестивали гомосексуалистов «Кристофер Стрит Дейз», а в 1993 г. вышел первый номер петербургского «литературно-художественного и культурологического журнала, посвященного лесбийской и гомосексуальной культуре и искусству», «Gay, славяне!».

Преступность. В годы советской власти преступность и отдельные ее виды были наиболее изучаемым проявлением социальных отклонений. В 20-е гг., да и позднее — вплоть до 60-х гг., социальные (криминологические) аспекты преступности исследовались преимущественно в рамках науки уголовного права (М. Н. Гернет, А. А. Герцензон, А. А. Жижиленко, М. М. Исаев, П. И. Люблинский, А. А. Пионтковский, М. Д. Шаргородский, Е. Г. Ширвиндт, Б. С. Утевский, А. С. Шляпочников, А. Я. Эстрин и др.).

В 20-е — 30-е гг. внимание социологически ориентированных исследователей было сосредоточено на изучении *факторов* преступности: экономических, социальных, демографических и иных. По классификации Жижиленко, криминогенные факторы находятся: 1) в окружающей природе, 2) в индивидуальных особенностях личности, 3) в условиях социальной среды (32). М. Н. Гернет считал наиболее значимыми социальные факторы.

Другое направление криминологической мысли тех лет — клиническое, сосредоточивавшее внимание на индивидуальных, личностных факторах преступности (В. В. Браиловский, Н. П. Бруханский, С. В. Познышев и др.). Большую роль в исследовании преступности сыграли кабинеты и клиники по изучению преступности и преступника, первый из которых открылся в 1918 г. в Петрограде, а также Государственный институт по изучению преступности и преступника (Москва, 1925), объединивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами. Следует заметить, что именно в те годы было проведено много прикладных, эмпирических исследований с использованием разнообразных методов: опрос, изучение материалов уголовных дел, анализ статистических данных, клинические методы обследования. В результате были созданы «портреты» детоубийц (М. Н. Гернет), конокрадов (Н. Геденов, Р. Е. Люстерник), хулиганов (Т. Е. Сегалов), насильников (Н. П. Бруханский), поджигателей (Т. Е. Сегалов), убийц корыстных и из мести (И. И. Станкевич) и др.

Поскольку развитие отечественной криминологии в 20–30-е гг. — тема самостоятельного большого исследования, приходится ограничиться отсылкой заинтересованного читателя к имеющимся обзорам: (37), (41, с. 9–42), (49, с. 69–77), (57, с. 13–60).

Быть может, изучение преступности — единственный из источников социологии девиантного поведения, тоненькой струйкой продолжавший существовать и в годы сталинского режима.

Правда, исследования ограничивались либо уголовно-правовой догматикой, либо историей (наиболее выдающийся пример — пятитомная «История царской тюрьмы» М. Н. Гернета, выходящая в 1941–56 гг., причем первый том был издан еще перед войной), либо критикой буржуазной уголовно-правовой и криминологической науки и практики (например, «Сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах» под ред. А. А. Герцензона (65); «Тюрьма капиталистических стран» (70) и т. п.).

Долгий, мучительный, полный «зигзагов» процесс возрождения отечественной криминологии начался в 60-е гг. Ее первые шаги: книги А. Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» (64), А. А. Герцензона «Введение в советскую криминологию» (19), И. И. Карпеца «Проблема преступности» (38), В. Н. Кудрявцева «Причинность в криминологии» (44), Н. Ф. Кузнецовой «Преступление и преступность» (48), открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963), начало преподавания криминологии в юридических вузах страны (1964).

С конца 60-х — начала 70-х гг. криминология бурно развивается, разветвляясь на множество относительно самостоятельных направлений: преступность несовершеннолетних, насильственная преступность, экологическая преступность, семейная криминология, виктимология, прогнозирование и профилактика преступности и т. д. В рамках данной работы мы сможем назвать лишь те из них, которые оказались наиболее значимыми для формирования социологии девиантного поведения.

Во-первых, это общетеоретические труды Г. А. Аванесова, Ю. Д. Блувштейна, Я. И. Гилинского, И. И. Карпеца, В. М. Когана, Н. Ф. Кузнецовой, В. Н. Кудрявцева, А. Б. Сахарова, А. М. Яковлева и др. Важно отметить социологизированность разделяемого этими авторами взгляда на преступность.

Во-вторых, развитие методологии социологического исследования преступности и ее видов (Г. А. Аванесов, Ю. Д. Блувштейн, С. Е. Вицин, Н. Я. Заблоцкис, Г. И. Забрянский, В. В. Панкратов и др.).

В-третьих, теория, методология и методы региональных исследований преступности, «география преступности» (2), (12), (51), (52). В рамках этого направления анализ преступности сочетается, как правило, с социологическим исследованием и других форм девиантного поведения. Наиболее наглядный тому пример — серия «Трудов по криминологии» Ученых записок Тартуского университета, посвященных территориальным различиям преступности и включающих труды социологов, криминологов, психологов, девиантологов Эстонии, Литвы, Санкт-Петербурга, Москвы (1985, 1988, 1989, 1990, 1991). Последний из выпусков издан на английском языке (79).

Нельзя не назвать также первое крупномасштабное эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности, проведенное коллективом Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под руководством А. Б. Сахарова в 70-е гг. Опубликованная программа (с инструментарием) и результаты исследования послужили стимулом к последующим работам (54), (67). Сравнение экономических и социальных условий в регионах с высоким (Кемеровская обл.) и низким (Орловская обл.) уровнем преступности позволило выявить ряд закономерностей, подтвержденных последующими исследованиями в других регионах.

Социальный контроль. В 20-е гг. были широко представлены исследования в узкой сфере социального контроля — пенитенциарной системе (работы М. Н. Гернета, М. М. Исаева, С. В. Познышева, Б. С. Утевского, Е. Г. Ширвиндта и др.). В Государственном институте по изучению преступности и преступника была организована пенитенциарная секция, а на базе одного из московских мест заключения — экспериментальное пенитенциарное отделение. В 1925–1926 гг. в юридических вузах был введен курс пенитенциарного права. В октябре 1928 г. состоялось Первое Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей. В 1934 г. издается подготовленная коллективом авторов монография «От тюрем к воспитательным учреждениям». А далее наступил «перерыв» до середины 50-х гг.

В апреле 1957 г. выходит книга Е. Г. Ширвиндта и Б. С. Утевского «Советское исправительно-трудовое право». С конца 1956 г. изучение проблем этого советского псевдонима пенитенциарного права и самой пенитенциарной системы начинается в Высшей школе МВД СССР и Научно-исследовательском отделе исправительно-трудовых колоний.

Выходят труды наиболее известных специалистов в области теории уголовного наказания, пенитенциарного права и политики — А. Е. Наташева, П. Е. Подымова, А. Л. Ременсона, Н. А. Стручкова, Б. С. Утевского, М. Д. Шаргородского, И. В. Шмарова и др. (подробнее см. (41), с. 69–113). Надо ли напоминать, что наследие

ГУЛАГа давало и еще долго будет давать себя знать более всего именно в этой сфере государственно-правового бытия?

Тем большая заслуга исследователей, пытавшихся хоть что-то донести до научной общественности. В этой связи нельзя не отметить труды Н. А. Стручкова, автора двухтомного Курса исправительно-трудового права, и А. С. Михлина, чьи аналитические работы вначале «Для служебного пользования», а затем и в открытой печати дают представление о контингенте мест лишения свободы (социально-демографические и уголовно-правовые характеристики заключенных, содержащихся в тюрьмах, исправительно-трудовых и воспитательно-трудовых колониях, а также осужденных к исправительным работам и иным мерам наказания).

Значительный вклад в социологическое осмысление современной российской пенитенциарной системы внесли труды Г. Ф. Хохрякова, посвященные изучению структуры тюремного сообщества, взаимоотношений между различными группами («мастями») заключенных, между заключенными и администрацией (72), (73).

Бесценный материал собран и отрефлексирован Центром содействия реформе системы уголовного правосудия «Содействие» под руководством эксперта Комитета по правам человека Верховного Совета РФ, а затем Государственной Думы, бывшего политзаключенного В. Ф. Абрамкина (1). По его инициативе была проведена первая в стране Международная конференция по пенитенциарной реформе (69), организован выпуск уникальной серии книг «Уголовная Россия. Тюрьмы и лагеря: Серия сборников документов и материалов с социологическим комментарием».

В России — стране сохраняющейся смертной казни — впервые за многие десятилетия возродилось и ширится движение за ее отмену. Представители России (И. Безруков, Я. Гилинский, В. Гришкин, К. Кедров, А. Приставкин и др.) выступили против смертной казни на Первом Всемирном Конгрессе Кампании граждан и парламентариев за отмену смертной казни во всем мире к 2000 году, состоявшемся 9–10 декабря 1993 г. в Брюсселе (81).

К сожалению, и пенитенциарная система, и институт смертной казни не претерпевают в России существенных изменений.

Наконец, следует отметить развитие в стране новых (для России) форм социального контроля в виде деятельности негосударственных (общественных) организаций по оказанию помощи «униженным и оскорбленным»: заключенным, бездомным, лицам, имеющим проблемы с алкоголем или наркотиками, сексуальным меньшинствам. О некоторых из этих организаций и видах их деятельности в Санкт-Петербурге см. (61).

Становление отечественной социологии девиантного поведения и социального контроля как специальной социологической теории

Представленные выше направления социологических исследований и осмысления различных форм девиантного поведения послужили основными «источниками и составными частями» социологии девиантного поведения и социального контроля как *специальной социологической теории*.

Хотя М. Н. Гернет по теоретико-методологическому подходу и репертуару исследуемых им социальных явлений фактически развивал социологию девиантного поведения, однако ни он сам, ни его биографы и комментаторы (см., например, (17, с. 8–37, 614–622)) не оценивают таким образом труды ученого. С точки зрения В. Н.

Кудрявцева (66, с. 12), ближе всех к осмыслению отдельных проявлений девиантного поведения с более широких («девиантологических») позиций подошел А. А. Герцензон в своей работе 1922 г. (20).

Ясно, однако, что реальные условия для формирования и развития социологии девиантного поведения и «социальный заказ» на нее появились в бывшем СССР лишь в период хрущевской «оттепели» и возрождения отечественной социологии.

В 1971 г. независимо друг от друга появились небольшие по объему работы двух ленинградских авторов, в заглавие которых были вынесены слова «отклоняющееся (девиантное) поведение» (22), (21), (36). В них ставился вопрос о необходимости рассмотрения различных нежелательных для общества нормонарушающих проявлений с позиции более общей социологической теории, поскольку отклоняющееся поведение есть именно *социальный* феномен, различные его виды имеют общий генезис и причины, находятся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий. Отмечалось значение понимания и выбора критерия (точки отсчета) «отклонения», оценки и измерения его «величины», а также — *направленности*. Ибо с точки зрения одного из авторов — Я. Гилинского, отклоняющееся поведение может быть как со знаком «минус» (негативное, отрицательное), так и со знаком «плюс» (позитивное — социальное, научное, техническое, художественное творчество). Эта позиция обосновывалась и отстаивалась им во всех более поздних работах (23), (24), (27) и др. Разумеется, в ранних отечественных публикациях отдавалось должное марксистско-ленинской трактовке предмета, содержалось много вынужденных положений (об исторической ограниченности и преходящем характере девиаций, о преимуществах социалистической системы и т. п.) и «критика» зарубежных социологов девиантного поведения за их позитивизм, психологизм, метафизичность и иные смертные грехи... Автор этих строк с искренней болью и стыдом перечитывает соответствующие пассажи в своих работах 70-х гг. Впрочем, и эта обязательная атрибутика тех лет не спасла автора от обвинений в том, что он «оказался в плену» буржуазных идей, что выдвигаемые им положения имеют «чуждую нам идеологическую окраску», тогда как нам «нельзя делать уступок проникновению в какой-либо форме буржуазных идей» (9, с. 11–12). При этом я, пожалуй, не откажусь и сегодня от большинства *содержательных* положений своих работ более чем двадцатилетней давности.

В 70-е гг. появляется все больше трудов, посвященных проблемам формирующейся социологии девиантного поведения (В. С. Афанасьев, А. А. Габиани, Я. И. Гилинский, В. Н. Кудрявцев, И. В. Маточкин, Р. С. Могилевский, А. М. Яковлев и др. (6), (15), (21), (22)).

Результаты первых крупных эмпирических исследований девиантного поведения отражены в (60), (75), (77). В частности, следует отметить комплексное социологическое исследование социальных проблем областного центра (г. Орел), включающее позитивные и негативные девиации (75). Хотя и в этом случае обошлось без руки цензора (на с. 96 упомянутой книги после второй корректуры «исчезли» данные о преступности), однако впервые удалось совместить в одной монографии теоретические предпосылки, некоторые — очень ограниченные по цензурным соображениям — результаты большого эмпирического исследования (достаточно упомянуть, что, наряду с выборочным опросом населения г. Орла, был осуществлен опрос заключенных в трех исправительно-трудовых колониях на территории области, изучены материалы расследования по фактам самоубийства, проанализированы данные «открытой» и «закрытой» статистики) и все это — на фоне исследования социальной стратификации и социальных перемещений.

Значительную роль в становлении, развитии и институционализации социологии девиантного поведения сыграли труды В. Н. Кудрявцева (42) — (44) и др., кото-

рый нередко своим авторитетом «прикрывал» начинающих девиантологов от ретивых блюстителей идеологической чистоты.

В конце 70-х — начале 80-х гг. сложилось несколько исследовательских центров девиантного поведения: на базе лаборатории социологических исследований НИИ комплексных социологических исследований при Ленинградском Государственном Университете (руководители: Л. Спиридонов, затем Я. Гишинский, позднее — Ю. Суслов), сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологических исследований АН СССР (руководитель Б. Левин), Научно-исследовательская лаборатория социологии преступности МВД Груз. ССР (руководитель А. Габани), Лаборатория социологии девиантного поведения Тартуского Государственного Университета (руководитель Э. Раска, затем — Ю. Саар). Позднее в Ленинградском Институте социально-экономических проблем АН СССР была образована группа изучения проблем пьянства и алкоголизма (руководитель В. Карпов). В 1989 г. ленинградские исследователи смогли, наконец, объединиться на базе вновь созданного Ленинградского филиала Института социологии АН СССР (группа, а затем и сектор социологии девиантного поведения, руководитель — В. Карпов, позднее — Я. Гишинский). Разумеется, отдельные исследования по тематике девиантного поведения на территории бывшего СССР осуществлялись и вне рамок названных учреждений (А. Лепс в Эстонии; Н. Голубкова, Л. Новикова, Д. Ротман в Белоруссии; С. Ворошилов в Молдове; А. Баимбетов в Башкирии; В. Гордин, Н. Кофырин в Ленинграде и др.). Психологическим и социально-психологическим проблемам девиантного поведения посвящены работы Б. Братуся и В. Шпалинского.

С 1988 г. выходят сборники научных статей по социологии девиантного поведения (3), (32), (33), (35), (62). В вузах России читается спецкурс «Социология девиантного поведения», подготовлено и издано соответствующее учебное пособие (27).

В рамках социологии девиантного поведения начинают формироваться относительно самостоятельные научные направления: социальный контроль и социальная работа, военная девиантология (10).

По инициативе Б. Левина, возглавлявшего секцию (комитет) социологии отклоняющегося поведения Советской социологической Ассоциации, проводились Всесоюзные конференции по проблемам социальных девиаций в Черноголовке (Московская обл., 1984), Уфе (1986), Суздале (1987), Бресте (1988), Душанбе (1989), а с 1990 г. — Международные конференции в Москве, привлекавшие большое количество зарубежных исследователей.

Вообще в 90-е гг. начинается активное взаимодействие российских и зарубежных девиантологов — участие в конференциях, совместных исследовательских проектах (например, Baltica, (83), (84)), в работе 29-го исследовательского комитета Международной социологической Ассоциации, включая выступления на XIII Международном социологическом Конгрессе в Билефельде (1994) (80).

К сожалению, это лишь первые шаги на долгом и нелегком пути вхождения в мировую науку.

Каковы же главные результаты развития отечественной социологии девиантного поведения и социального контроля?

Освоены достижения мировой и отечественной социологии. Из узкодисциплинарных (криминологических, наркологических, суицидологических, сексологических и пр.) исследований отдельных проявлений социальных девиаций выросла и сформировалась специальная социологическая теория — *девиантология*. Это позволило изучать и объяснять различные формы позитивного и

негативного девиантного поведения с общих, системных позиций, как проявления некоторых единых закономерностей и механизмов социального бытия (28).

При этом так называемое девиантное поведение рассматривается не как патология, а как естественный и необходимый результат эволюции социума, как *дополнительные* (в боровском смысле) конформным формы жизнедеятельности. «Отклонение» не есть объективная характеристика определенных видов поведения, а лишь следствие соответствующей общественной *оценки* (конвенциальность «нормы» — «отклонения»).

Следовательно, - и это очень важно для политики социального контроля! - *принципиально невозможно «искоренить», «ликвидировать», «преодолеть» негативное девиантное поведение и отдельные его виды.* Речь может идти лишь об адекватных способах и методах *регулирования, управления* ими (в целях оптимизации, минимизации, гармонизации и т. п.).

В результате многочисленных эмпирических исследований на территории бывшего СССР и России получены и продолжают накапливаться взаимопроверяемые, дополняющие и уточняющие друг друга сведения о состоянии, структуре, уровне и динамике различных форм девиантного поведения. Ясно, например, в результате виктимологических опросов, что реальный уровень общеуголовной преступности в 10–15 раз выше официально регистрируемого, что в 1993–94 гг. вновь начался рост латентности (неучтенности) многих видов преступлений, что существует определенная взаимосвязь между уровнем и динамикой убийств и самоубийств, что вполне определенным образом меняется структура потребляемых наркотических средств и т. п.

Будучи порождением социально-экономических, культурологических изменений, характеристики девиантного поведения служат показателем, «зеркалом» общественного бытия и «качества» населения (3), (39, с. 149–161), (79), (80, с. 112).

Социология девиантного поведения и социального контроля оказывает существенное влияние на другие научные направления и дисциплины, изучающие общий объект. В трудах суицидологов, наркологов, психологов, криминологов все в большей степени рефлексированы идеи девиантологии (А. Амбрумова, Ю. Блувштейн, А. Дьяченко, И. Карпец, Г. Миньковский, И. Михайловская, В. Номоконов, И. Пятницкая и многие другие, например: (7), (68), (78)).

Сложилось отечественное научное сообщество («невидимый колледж») специалистов в области социальных отклонений, сохранились научные связи с коллегами из «ближнего зарубежья» (прежде всего — Латвии, Литвы, Эстонии), возникли и крепнут связи со специалистами государств Европы, Америки, Азии.

Возможные перспективы

Современная Россия являет собой идеальную совокупность всех девиантогенных факторов (состояние аномии, резкая социальная дифференциация и поляризация, глубокий экономический кризис, социальная дезорганизация, «смена вех» в идеологии и т. п.). В этих тяжелых для страны условиях исследование различных форм девиантного поведения приобретает особенную теоретическую и прикладную значимость.

К сожалению, объективный социальный заказ не совпадает с реальной востребованностью: ни властные структуры, ни руководители науки, ни ведомства или же коммерческие структуры не предъявляют спрос на девиантологические исследования и не очень охотно реагируют на соответствующие предложения. В современных условиях это означает отток молодых талантливых специалистов из сфе-

ры научных исследований. (В частности, подразделения Института социологии РАН в Москве и его Петербургского филиала, ориентированные на изучение девиантного поведения, испытывают острый дефицит профессиональных кадров).

Наиболее перспективными представляются следующие направления научно-исследовательской деятельности в рассматриваемой сфере: создание в регионах и России в целом системы мониторинга девиантного поведения; сравнительные, компаративистские исследования с зарубежными партнерами по актуальным проблемам социальных девиаций (насилие, наркотизация населения, его виктимность, подростково-молодежная делинквентность и др.); анализ девиантного поведения как протестной реакции в условиях социального конфликта; изучение действующих форм социального контроля с точки зрения их адекватности природе, генезису, закономерностям девиантного поведения; исследование позитивного девиантного поведения как возможной альтернативы негативным его проявлениям (проблема канализирования социального недовольства и протеста).

Как структурную часть, элемент социологического знания (социологии) социологию девиантного поведения и социального контроля ожидают, по видимому, новации, связанные с эволюцией общесоциологических теорий и методологии.

Так, очевидна волна широкого применения *качественных* методов в эмпирических исследованиях. Лишь в качестве примера назовем использованием Сектором социологии девиантного поведения Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН глубинных неформализованных интервью с наркоманами (3, с. 135–182), бездомными, а также групповых интервью (фокус-группа) по проблемам преступности, алкоголизма в процессе выполнения международного исследовательского проекта «Балтика».

Глобалистика И. Уоллерстейна — лишнее подтверждение наших представлений о необходимости исследовать социальные закономерности, социальные девиации и девиантное поведение в контексте более общих процессов эволюции мира и социума (26), (28).

Идеи постматериализма, постматериалистических ценностей (Р. Инглехарт и др.) и соответствующие кросскультурные исследования не могут не затронуть глубинные пласты девиантологических концепций и представлений о дозволенном — недо-зволённом, нормальном — отклоняющемся, о релятивности и конвенциональности девиаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамкин В. Ф., Чижов Ю. В. Как выжить в советской тюрьме: В помощь узнику. Красноярск, 1992.
2. Аврутин Ю. Е., Гишинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л., 1991.
3. Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля. Отв. ред. Я. Гишинский. М., 1992.
4. Алиев И. А. Актуальные проблемы суицидологии. Баку, 1987.
5. Амбрумова А. Г., Ратинов А. Р. Мультидисциплинарное исследование агрессивного и аутоагрессивного типа личности. Комплексные исследования в суицидологии. Отв. ред. В. Ковалев. М., 1986.
6. Афанасьев В. С., Маточкин И. В. К вопросу о понятии антисоциального поведения // Вестник ЛГУ. 1979. № 17, вып. 3.

7. Блувштейн Ю. Д., Яковлев А. М. Введение в курс криминологии. Минск, 1983.
8. БСЭ. 2-е изд., т. 12.
9. Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975, вып. 23.
10. Ворошилов С., Гилинский Я. Военная девиантология: Материалы научного военно-социологического исследования проблем девиантного поведения военнослужащих. Кишинев, 1994.
11. Габиани А. А. Кто такие наркоманы? // Социологические исследования. 1992, № 2.
12. Габиани А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности: по материалам Грузинской ССР. Тбилиси, 1982.
13. Габиани А. А., Мануильский М. А. Цена «любви» (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987, № 6.
14. Габиани А. Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1977.
15. Габиани А. Наркотизм: вчера и сегодня. Тбилиси, 1988.
16. Гернет М. Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. М., 1925.
17. Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974.
18. Гернет М. Н. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927, № 7.
19. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.
20. Герцензон А. А. Преступность и алкоголизм в РСФСР. Под ред. Г. М. Сегала и Ц. М. Фейнберг. М., 1930.
21. Гилинский Я. И. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения» // Преступность и ее предупреждение. Отв. ред. М. Шаргородский. Л., 1971.
22. Гилинский Я. И. Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. Л., 1971. вып. VIII.
23. Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991, № 4.
24. Гилинский Я. И. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2.
25. Гилинский Я. И., Смолинский Л. Г. Социодинамика самоубийств // Социологические исследования. 1988. № 5.
26. Гилинский Я. И. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1988.
27. Гилинский Я. И., Афанасьев В. С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб., 1993.
28. Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эст. ССР. Т. 30. Общественные науки, 1981. № 2.
29. Голосенко И. А. «Русское пьянство»: мифы и реальность // Социологические исследования. 1986. № 3.
30. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 24. Л., 1982.
31. Жижиленко А. А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922.
32. За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями), в 2-х кн. Отв. ред. Б. Левин. М., 1991.
33. За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями). Отв. ред. Б. М. Левин. М., 1993.
34. Заиграев Г. Г. Общество и алкоголь. М., 1992.

35. Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. Отв. ред. Б. М. Левин. М., 1988.
36. Здравомыслов А. Г. Методологические проблемы изучения девиантного поведения // Материалы социологического симпозиума. Ереван, 1971.
37. Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.
38. Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969.
39. Качество населения Санкт-Петербурга. СПб., 1993.
40. Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1989.
41. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки. Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1977.
42. Кудрявцев В. Н. Исследовательская проблема — социальные отклонения // Социологические исследования. 1983, № 2.
43. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
44. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968.
45. Кудрявцев В. Н. Социологические проблемы исследования антиобщественного поведения // Социологические исследования. 1974, № 1.
46. Кузнецов В. Е. Истоки междисциплинарного подхода в отечественной суицидологии // Комплексные исследования в суицидологии. М., 1986.
47. Кузнецов В. Е. Исторические аспекты исследования самоубийств в России // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1981.
48. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.
49. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985.
50. Левин Б. М., Левин М. Б. Мнимые потребности. М., 1986.
51. Лепс А. Преступность в Эстонии. Тарту, 1991.
52. Лепс А., Павельсон М., Раска Э., Ёунапуу Э. Социально-территориальные различия и преступность в условиях крупного города: на материалах г. Таллина. Таллин, 1981.
53. Меликсетян А. С. Проституция в 20-е годы // Социологические исследования. 1989, № 3.
54. Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. Отв. ред. В. К. Звирбуев. М., 1979.
55. Мстиславский С. Д. Свое и чужое. О пьянстве // Заветы. 1914. № 4.
56. Некоторые результаты социально-экономического исследования проблемы пьянства и алкоголизма (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1979.
57. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.
58. Обозненко П. Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета. Дисс. СПб., 1896.
59. Острогорский А. Н. Избранные педагогические сочинения. М., 1985.
60. Отклоняющееся поведение молодежи. Отв. ред. Э. Раска. Таллин, 1979.
61. Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий. СПб., 1994; Petersburg in the early 90's: crazy, cold, cruel. S. Pb., 1994.
62. Проблемы борьбы с девиантным поведением. Отв. ред. Б. Левин. М., 1989.
63. Проституция и преступность. Отв. ред. И. В. Шмаров. М., 1991.
64. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.
65. Сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах. Под ред. А. А. Герцензона. М., 1937.

66. Социальные отклонения. М., 1989.
67. Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М., 1979.
68. Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. Гл. ред. И. Б. Михайловская. М., 1981.
69. Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма: Материалы Международной конференции 14–19 ноября 1992 г. М., 1993.
70. Тюрьма капиталистических стран. М., 1937.
71. Федоровский А. Н. Современная проституция: Опыт социально-гигиенического исследования//Профилактическая медицина. 1928. № 9–10.
72. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991.
73. Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985.
74. Чарыхов Х. М. Учение о факторах преступности. М., 1910.
75. Человек как объект социологического исследования. Отв. ред. Л. Спиридонов, Я. Гилинский. Л., 1977.
76. Шереги Ф. Э. Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986. № 2.
77. Эффективность действия правовых норм. Отв. ред. А.Пашков. Л., 1977.
78. Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М., 1988.
79. Crime in changing society. Tartu, 1991.
80. Gilinskiy Ya. Deviant Behavior as a Reflection of Contested Boundaries and Shifting Solidarities // Sociological Abstracts XIII th World Congress of Sociology. San Diego, 1994.
81. Hands off Cain. Roma, 1994.
82. Herman. Recherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les années 1819 et 1820 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de S. Petersburg. VI Série. Tome premier, 1832.
83. Social Problems around the Baltic Sea. Helsinki: NAD publ., № 21, 1992.
84. Social Problems in Newspapers: Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD publ., № 28, 1994.